Археологические вести

— 29 —

Archaeological news

29
(2020)

Saint-Petersburg
2020

Археологические вести

29
(2020)

Санкт-Петербург
2020

Издание основано в 1992 году

Редакционная коллегия:

Н. В. Хвощинская (главный редактор), О. И. Богуславский, В. С. Бочкарёв, С. А. Васильев, М. Ю. Вахтина, Ю. А. Виноградов, член-корреспондент РАН П. Г. Гайдуков, Т. С. Дорофеева (отв. секретарь), М. Т. Кашуба, А. В. Курбатов, В. А. Лапшин, академик РАН Н. А. Макаров, академик РАН В. И. Молодин, Н. И. Платонова, Н. Ю. Смирнов, Л. Г. Шаяхметова

Редакторы-составители выпуска:

М. Ю. Вахтина, В. А. Горончаровский, Н. А. Павличенко

Археологические вести, Ин-т истории материальной культуры РАН. — **Вып. 29** / [Гл. ред. Н. В. Хвощинская]. — СПб., 2020. — 392 с.: ил.

ISSN 1817-6976

В этот выпуск «Археологических вестей», приуроченный к 70-летию ведущего научного сотрудника ИИМК РАН, доктора исторических наук Юрия Алексеевича Виноградова, включены статьи, подготовленные его друзьями и коллегами. Они посвящены актуальным проблемам и новейшим исследованиям в области античной археологии, истории и культуры. Многие материалы, полученные в результате изучения античных городов, поселений и погребальных памятников, впервые вводятся в научный оборот. В специальные разделы сборника вошли работы по нумизматике, эпиграфике и античной керамике. В выпуске представлена также статья, касающаяся истории отечественной археологической науки в сложный период сталинских репрессий. Среди авторов — ученые из России, Украины, Великобритании, Германии и Румынии.

The current issue of the “Arkheologicheskie Vesti” (Archaeological News) is devoted to the seventieth anniversary of the leading researcher of the Institute for the History of Material Culture RAS, Doctor of History Yury Alekseevich Vinogradov. It includes papers prepared by his friends and colleagues. They focus on the actual problems and newest researches in the field of ancient archaeology, history and culture. Many materials obtained as a result of studying of ancient towns, settlements and burials are published for the first time. Special sections of this compilation include papers on numismatics, epigraphy and classical pottery. This issue also contains a paper on history of Russian archaeological science at a difficult period of Stalin’s repressions. Papers were written by scientists from Russia, Ukraine, Great Britain, Germany and Romania.

На первой странице обложки — лекиф краснофигурный; Древняя Греция, вторая половина IV в. до н. э.; Крым, окрестности Керчи, некрополь Пантикапея; глина, рельеф, краснофигурная роспись, черный лак; высота: 37 см; инв. № П.1837-2 (фото В. С. Теребенина). © Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург, 2020
First page of cover — red-figure lekythos; Ancient Greece, second half of the 4th century BC; Crimea, outskirts of Kerch, necropolis of Pantikapaion; clay, relief, red-figure technique, black glaze; height 37 cm; inv. no. 1837-2 (photo by V. S. Terebenin). © State Hermitage Museum, Saint-Petersburg, 2000

На последней странице обложки — лагерь археологов на поселении Артющенко I на Тамани (фото Ю. А. Виноградова)
Fourth page of cover — archaeological camp at the settlement Artyuschenko I on Taman Peninsula (photo by Yu. A. Vinogradov)

Подписной индекс 80325

© Институт истории материальной культуры РАН, 2020
© Коллектив авторов, 2020
© Российская академия наук, продолжающееся издание
«Археологические вести», 1992 (год основания), 2020

Две находки архаических костяных накладок на ножны из Северного Причерноморья

А. М. Бутягин¹

Аннотация. Статья посвящена находкам костяных накладок на устье ножен, найденных в 2015 г. в Северном Причерноморье. Две костяные накладки от одних ножен были найдены в Мирмекии в слое первой четверти V в. до н. э., накладка из раскопок на острове Березань датируется второй половиной VI в. до н. э. Ножны, украшенные этими пластинами, были предназначены для меча типа махайра (копис). Они еще раз свидетельствуют о распространенности мечей этого типа в Северном Причерноморье с эпохи архаики. Находка на Боспоре в слое городища меча греческого типа является доказательством того, что греческие колонисты продолжали использовать греческий набор вооружения, опровергая мнение о широком заимствовании варварского набора наступательного оружия.

Annotation. The paper deals with the finds of bone plates for scabbard mouth found in 2015 in the North Black Sea Region. Two bone plates for the same scabbard were found in Myrmekion in a layer of the first quarter of the 5th century BC. An onlay from an excavation site at the Berezan Island is dated to the second half of the 6th century BC. The scabbards decorated with these plates were made for the sword of makhaira (kopis) type. These finds support the idea that the abundance of this type of swords in the North Black Sea Region had existed from the Archaic period. A finding of a sword of the Greek type in a layer of a site at the Bosphorus proves that Greek colonists continued to use a Greek set of weapons which disproves an opinion about the widespread adoption of the barbarian offensive weapons set.

Ключевые слова: Боспор, Березань, Мирмекий, махайра, ножны, вооружение, архаика.

Keywords: Bosphorus, Berezan, Myrmekion, makhaira, scabbard, weapons, Archaic period.

DOI 10.31600/1817-6976-2020-29-60-68

Среди многочисленных интересов Ю. А. Виноградова военное дело всегда занимало особое место. Его перу принадлежат несколько книг по военному делу в Северном Причерноморье (Виноградов, 2004; 2006), а монография, написанная в соавторстве с В. А. Горончаровским, является наиболее крупным научным трудом, изданным на эту тему в России (Виноградов, Горончаровский, 2009). В ходе работ экспедиции под руководством

Ю. А. Виноградова на городище Мирмекий были обнаружены интересные образцы античного вооружения (Виноградов, 1997. С. 141–146).

Эта публикация, посвященная находкам двух ранних фрагментов древнегреческой амуниции в Мирмекии и на острове Березань, может служить небольшим дополнением к замечательным исследованиям юбиляра. Удивительно, что две однотипные редкие находки были сделаны в один сезон в двух удаленных друг от друга районах Северного Причерноморья. Обратимся к первой их них.

¹ Отдел античного мира, Гос. Эрмитаж; Дворцовая наб., д. 34, г. Санкт-Петербург, 190000, Россия; e-mail: butyagin@gmail.com.

В первой половине 2010-х гг. Мирмекийская экспедиция Гос. Эрмитажа занималась изучением большого позднеархаического квартала в северной части участка «И», исследование которого было начато еще В. Ф. Гайдукевичем в начале 1960-х гг. (Гайдукевич, 1987. С. 5–36). Экспедиция продолжила изучение этого квартала (Butyagin, 2019. Р. 161–164), в результате удалось выяснить структуру его северной части, состоявшей, как минимум, из трех отдельных домохозяйств. В сезоне 2015 г. основной задачей было дойти по всей площади участка до основания позднеархаических кладок, а также раскопать недоследованные линзы раннего грунта в западинах на материке. Находок в этих слоях было немного, но их ценность состояла в том, что они относились к самому началу строительства позднеархаического квартала: концу VI — началу V в. до н. э. При этом в северной части улицы в заплыве зеленоватого суглинка, возможно образовавшегося в промоине большой лужи² или какой-то небольшой яме, была сделана чрезвычайно интересная находка³ (рис. 1) (Бутягин и др., 2017. С. 220–221). Она представляла собой две костяные пластины, лежавшие одна на другой⁴. В ходе раскопок верхняя пластина была сдвинута и вынута по частям. Еще в земле она раскололась по линии естественного напряжения (у нижней пластины в таком же месте проходит трещина). Даже по первому найденному небольшому фрагменту сразу стало ясно, что мы имеем дело с чрезвычайно редкой для Северного Причерноморья находкой.

Обе пластины прямоугольной формы и примерно одинакового размера: длиной 7,3–7,5 см, шириной 2,3–2,5 см (рис. 2, 1, 2). На верхней длинной стороне расположен выступ высотой около 0,5 см, при этом он смещен относительно середины пластины и находится

Рис. 1. Городище Мирмекий. Участок «И». Раскопки 2015 г. Костяные пластины в момент находки

Fig. 1. Site of ancient Myrmekion. Section “I”. Excavations of 2015. Bone plates at the moment of discovery

примерно в 1,6 см от края. Пластины сделаны зеркально по отношению друг к другу (рис. 2, 3). Возможно, они изготовлены из части таза особи крупного рогатого скота, так как заметна трубчатая структура кости⁵. Снаружи также зеркально на обеих пластинах прочерчены косые кресты, причем весьма грубо. По торцам пластин сделано по три небольших отверстия для крепления. Стоит обратить внимание на то, что на одной из пластин эти отверстия просверлены дважды, вероятно в связи с тем, что первый раз мастер ошибся с необходимыми точками.

В принципе подобные парные пластины могли быть использованы для украшения целого ряда различных предметов, например, гребня, шкатулки или ложки. Однако нестандартный парный выступ на длинной стороне сразу же навел на мысль, что мы имеем дело с оформлением устья ножен меча.

Греческое оружие на территории городов Северного Причерноморья находят весьма редко. Особенно это относится к мечам, которые были явно более дороги, чем, например, копья, и сохранялись особенно тщательно. Фактически каждая находка греческого меча

² Это самая низкая часть улицы, и здесь должна была скапливаться вода.

³ Работами на участке руководил В. П. Колосов.

⁴ Полевые номера М.2015-17, 18. В настоящее время находятся в коллекции Восточно-Крымского историко-культурного музея-заповедника.

⁵ Благодарю за любезную консультацию канд. ист. наук А. К. Каспарова.

Рис. 2. Городище Мирмекий. Костяные пластины от устьев ножен меча: 1 — внешняя сторона; 2 — внутренняя сторона; 3 — совмещённое положение. Остров Березань, раскопки 2015 г.: 4 — костяная пластина от устьев ножен меча

Fig. 2. Site of ancient Myrmekion. Bone plates at the scabbard mouth of the sword: 1 — external side; 2 — internal side; 3 — combined position. Berezan island, excavations in 2015: 4 — bone plate at the scabbard mouth of the sword

является если не сенсацией, то большой удачей археологов. Находки деталей ножен еще более редки, а кроме того, не столь очевидны для исследователей, в результате чего многие из них оседают в коллекциях музеев и археологических институций как «предметы неизвестного назначения»⁶.

Конструкция ножен греческого меча была довольно простой. Основная часть (футляр) изготавливалась из дерева и кожи, а устья и бутероли делались из кости или бронзы, в редких случаях использовалось железо. Форма и тех, и других частей относительно

стандартна. На устьях и бутеролях проделывались отверстия с целью крепления их к деревянным частям. Кроме того, на ножны могли ставиться кольца для крепления портупейных ремней.

Изображения ножен мечей встречаются на многочисленных вазовых изображениях, особенно на памятниках краснофигурной аттической керамики. На вазах устья ножен часто изображаются гладкими⁷. Скорее всего, это связано с тем, что часть мечей фиксировалась именно таким образом. Действительно,

⁶ Так, например, трактовалась бутероль из Севтополиса (Огенова-Маринова, 1984. С. 193–194, обр. 44).

⁷ Сводку изображений см.: Литвинский, 2001. С. 287–288; вариант сводной таблицы, см.: Черненко, 1977. С. 123, рис. 3.

такое устройство имеют ножны ксифоса из Камповолано (*Cianfarani*, 1972. Р. 30, ill. 3), хотя на гарде имеется небольшая выемка (возможно, греческий меч был переложен в ножны местного производства). На ряде устьев мы видим важную деталь — небольшой выступ в середине верхней части. Соответственно на гарде находился принимающий вырез. Похоже, что такое соединение было весьма распространенным для устройства ножен прямого греческого меча — ксифоса. Выступы находятся в центре верхней части устьев с обеих сторон, ответственно двум вырезам на гарде. Назначение подобной конструкции не совсем ясно. Вероятно, это было нужно для точной фиксации (центровки) положения меча в ножнах⁸. Также возможно, что данные выступы служили для более плотной фиксации гарды в ножнах. Подобное устройство устьев ножен подтверждается археологическими находками, хотя их не слишком много. Рассмотрим некоторые из них.

Примеры устьев ножен с выступом и парной к ним гардой встречаются на территории Греции, Фракии и Италии. Можно упомянуть меч в ножнах из Алфедены, где имеется небольшой выступ (*Cianfarani*, 1972. Р. 30, ill. 2). На неплохо сохранившемся мече с Марафонского поля железная гарда сильно корродированна, и не совсем понятна форма верхней части костяных устьев ножен (*Черненко*, 1977. С. 122, рис. 5, 6, 1). Роскошным примером сохранившихся деталей ножен и рукояти ксифоса является меч из Вергины (*Kottaridi*, 2013. Р. 271). Заметим, что из четырех ксифосов, найденных в захоронении Филиппа II, как минимум, у трех есть выемки на гарде под выступ устья (помимо того, что у меча, упомянутого выше, сохранилась и костяная обкладка устья). Любопытно, что в Олимпии среди разнообразных фрагментов вооружения фрагментов устьев ножен найдено относительно немного. Открыто всего два целых устья и одна отдельная пластина (*Baitinger*, 2001. Р. 78, 236, taf. 66, 80a). Все они

с выступами в верхней части. Богатый образец устья из слоновой кости, возможно эллинистического времени, найден на Афинской Агоре (*Liston, Rotroff, Snyder*, 2018. Р. 92–94). Наконец, прекрасный набор устьев ножен ксифоса найден и среди приношений в храм в Оксе на городище Тахти-Сангин (*Литвинский*, 2001. С. 265–268, табл. 75–77). Здесь представлены как образцы с гладкой верхней частью, так и с выступами. Судя по всему, эта деталь использовалась не постоянно, но достаточно часто. Например, в Тахти-Сангин из 12 устьев пять с выступом в верхней части, шесть без них, а у одной повреждена интересующая нас сторона. В Северном Причерноморье детали ножен — костяные устье и бутероль — были найдены только в Ольвии (*Черненко*, 1977. С. 120–121)⁹. Насколько мне известно, другие находки устьев в регионе, в том числе и на Боспоре, пока неизвестны.

От приведенных примеров пластины из Мирмекия отличаются значительным смещением выступа к краю ножен. Несмотря на то что на вазах встречаются асимметричные ножны ксифоса, такая ситуация, видимо, является художественной вольностью. Представляется, что смещение выступа соответствует мечу с асимметричной рукоятью. Она характерна для однолезвийного греческого меча, который в отечественной литературе именуется махайра или копис. Этот тип меча хорошо известен как по вазописи, так и по археологическим находкам. Заметим, что вазопись дает весьма разнообразные конструкции ножен махайры, например без бутероли или с высоким выступом с одной из сторон верхней части ножен, имеются и изображения с гладким примыканием. Единственный известный мне аналог мирмекийским накладкам изображен на краснофигурной аттической калпиде из провинциального археологического музея в Салерно, где

⁸ Благодарю за устно высказанное предположение Ю. П. Калашника.

⁹ Любопытно, что на экспозиции Археологического музея в Киеве устье меча было ошибочно развернуто вниз выступом, что демонстрирует редкость и непривычность такой находки для исследователей Северного Причерноморья.

меч висит на поясе Ипполиты, сражающейся с Гераклом¹⁰.

Наиболее надежные данные дают археологические находки. К сожалению, все они относятся к эллинистическому периоду, когда применение махайры в бою претерпело серьезные изменения. Сохранность костяной накладки меча рубежа V–IV вв. до н. э. из Сейтомер Хойюк в Западной Анатолии не позволяет точно говорить о ее форме (*Coşkun*, 2017. Р. 84–85). Если в доэллинистическую эпоху однолезвийный меч был разновидностью оружия ближнего боя пехотинца, который было удобно применять в тесной схватке, то с усилением роли конницы махайра превращается в излюбленное оружие всадников, предназначенное для рубки с коня. При этом длина меча существенно увеличивается. В связи с тем что устья ножен махайр могут выглядеть по-разному, в их определении помогают вотивные рукояти мечей, найденные при раскопках святилища Зевса в Додоне (*Daix*, 1966. Р. 846–847). Эти вотивы сделаны в виде рукояток мечей, иногда украшенных головами животных или птиц, утопленных в устья ножен. Они отливались из одного куска бронзы, но линия касания рукоятки и устья на них прослеживается очень четко. Точно такой же изгиб дают и многочисленные устья ножен махайры из Тахти-Сангин, сделанные из кости и железа (*Литвинский*, 2001. С. 265–260, табл. 64–70). Всего здесь найдено 45 экземпляров, что можно считать абсолютным рекордом по количеству находок устьев античных мечей в мире (*Литвинский*, 2001. С. 275). Любопытно, что выступ в месте крепления рукояти наличествует на всех (!) имеющихся экземплярах удовлетворительной сохранности, а также на вотивах. Обычно здесь присутствует двойной выступ, но встречаются и одинарные.

Несмотря на то что в Северном Причерноморье до сих пор не были найдены фрагменты ножен махайры, сами мечи обнаруживали не раз. На Боспоре имеется неплохой набор фрагментов однолезвийных мечей, в частности,

лезвия найдены в Мирмекии и Вышестеблиевской-11 (*Виноградов*, 1997. С. 141–146; *Грицик*, 2004. С. 104–108). Хорошо сохранился экземпляр небольшой, вероятно вотивной, махайры из Пантикапея. В последнее время появилась информация о находке прекрасно сохранившегося образца такого меча из некрополя поселения Волна-1 на Тамани. Ю. А. Виноградов и В. А. Горончаровский подчеркивали, что этот тип меча особенно рано распространился именно среди греков Северного Причерноморья (*Виноградов, Горончаровский*, 2009. С. 42–43). Популярность его на Боспоре отмечал и Н. И. Сокольский (*Сокольский*, 1954. С. 134). Таким образом, находка в Мирмекии накладок на ножны махайры не вызывает особого удивления. При этом они, несомненно, боспорского происхождения, на что указывает неаккуратная работа мастера, а также весьма простой способ пометки — косой крест.

Причины, по которым ножны махайры оказались на одной из улиц Мирмекии не совсем ясны. Пластины найдены вместе, и нет никаких сомнений в том, что они располагались непосредственно на деревянных ножнах, а не были сломаны и выброшены. Вероятность последнего невелика, так как рядом с ними не были найдены никакие другие предметы, то есть здесь не было даже небольшой древней помойки. Скорее всего, ножны были утеряны или повреждены в ходе военных событий, связанных с разрушением Мирмекии в конце первой трети V в. до н. э., когда город был сожжен, а оборонительная стена прикрыла только участок в районе акрополя (*Vinoogradov, Butyagin, Vakhtina*, 2003. Р. 811).

Возможно, накладки, найденные в Мирмекии, стали бы единственным и самым ранним экземпляром такого типа вещей, обнаруженным в Северном Причерноморье, если бы не еще одна находка, сделанная в том же 2015 г. Березанской экспедицией Гос. Эрмитажа в ходе раскопок на острове Березань¹¹.

¹⁰ Ваза находится на экспозиции музея, ее публикации мне неизвестны.

¹¹ Хочу поблагодарить начальника Березанской экспедиции Д. Е. Чистова за любезную возможность опубликовать эту находку.

Здесь была обнаружена костяная пластина сложной формы, вне всякого сомнения являющаяся половиной устья ножен махайры¹². Ее размеры 8,2 × 3,0 см (рис. 2, 4). Обе стороны пластины тщательно зашлифованы, за исключением двух выступов на внутренней стороне, ограничивавших лезвие меча. На верхней части пластины присутствует полукруглый выступ, расположенный со смещением от центра, причем короткая часть пластины, примыкавшая к гарде меча, чуть приподнята вверх, а внешняя, в отличие от мирмекийской, оканчивается большим прямоугольным выступом, обеспечивающим плотную фиксацию рукояти. Любопытно, что такая деталь иногда изображается на ножнах махайры в краснофигурной вазописи, но небольшой полукруглый выступ при этом отсутствует. Такая форма ножен, вероятно, была более совершенной, и это, наряду с тщательной обработкой березанской пластины, позволяет предположить, что она была изготовлена за пределами Северного Причерноморья.

Пластина была найдена во дворе большого жилого дома МК-3, относящегося к строительной фазе II-A, которая датируется временем от 540-х гг. до н. э. до последней четверти VI в. до н. э. Таким образом, этот фрагмент является наиболее ранним обломком ножен махайры, найденным в Северном Причерноморье, а возможно, и в мире. Судя по тому, что найдена только одна пластина от устья ножен, вероятно, мы имеем дело с выброшенной частью поврежденной амуниции.

Находка в городских слоях двух разных регионов Северного Причерноморья фрагментов ножен махайры еще раз свидетельствует о широкой распространенности этого типа меча уже в позднеархаическое время. Кроме того, можно констатировать разнообразие форм устьев, возможно, связанное с различными традициями их производства в метрополии. Особенно важно, что накладки из Мирмекии, как, вероятно, и сами ножны,

были изготовлены на Боспоре, что свидетельствует о том, что и махайры вполне могли производиться здесь в начале V в. до н. э.

Находка на Боспоре еще одного образца вооружения греческого типа заставляет снова обратиться к проблеме боспорских погребений с оружием. Многочисленные мужские грунтовые могилы с предметами вооружения (бронзовыми наконечниками стрел, железными мечами, наконечниками копий, очень редко топорами) были распространены в античных некрополях региона во второй половине VI — V в. до н. э., причем пик их численности приходится на вторую четверть — середину V в. до н. э. Удивительной особенностью этих погребений является наличие в них предметов вооружения почти исключительно негреческих типов, что особенно характерно для найденных в погребениях мечей¹³.

В научной дискуссии вокруг этой проблемы самой авторитетной сейчас является точка зрения, наиболее последовательно высказанная Н. И. Сударевым (*Завойкин, Сударев*, 2006. С. 104–106). Согласно ей, почти со времени своего появления на Боспоре греки убедились в бессмысленности тактики применения тяжелой пехоты в условиях степей Северного Причерноморья. Это привело к изменению вооружения колонистов, которые полностью переняли местные типы наступательного оружия. Таким образом, вопрос этнической интерпретации решается просто: все погребения с оружием принадлежат греческому населению колоний.

Основным проблемным моментом данной интерпретации является удивительное несоответствие между находками греческих мечей в боспорских погребениях и поселениях. Несмотря на то что при раскопках поселений подобные находки встречаются нечасто, здесь, вне всякого сомнения, присутствуют греческие типы оружия, в первую очередь махайры. К ним относится и устье ножен, описанное выше. То, что ножны, скорее всего, были изготовлены на Боспоре, лишний раз

¹² Полевой номер БЭ 2015 13/464. В настоящее время находится в коллекции Национального историко-археологического заповедника «Ольвия».

¹³ Сводку погребений, с включением в нее курганных могил см.: *Завойкин, Сударев*, 2006. С. 107–118.

свидетельствует о широком использовании мечей греческих типов в регионе.

Совсем другая картина наблюдается в боспорских воинских погребениях, где подавляющая часть мечей относится к варварским типам. В свое время Н. И. Сокольский обратил внимание на то, что меч в них часто располагается у правого бедра погребенного и даже лежит наискось через кости ног, как это принято в погребениях кочевников (Сокольский, 1954. С. 129–130). Такие погребения Н. И. Сокольский предлагал считать однозначно варварскими, что является вполне здоровой точкой зрения. Если предположить, что они принадлежат грекам, придется признать, что они не только использовали варварские типы мечей, но и систему их ношения с правой стороны.

Как представляется, прямые мечи варварских типов было удобно носить с правой стороны. Вынимание же меча с лезвием изогнутой формы при таком способе ношения будет затруднительным, если хозяин, конечно, не левша. Таким образом, ношение махайры с правой стороны корпуса можно считать исключенным. Среди варварских памятников Боспора можно вспомнить только находку рукояти такого меча в III Семибратнем кургане, но она относится уже к первой четверти IV в. до н. э. (Бутягин, 1996. С. 44), когда удлиненные махайры использовались для рубки с коня. Соответственно широкое распространение махайр в Северном Причерноморье, в том числе и на Боспоре, заставляет предполагать, что значительное число греческих поселенцев были вооружены греческими мечами. Следовательно воинские погребения с мечами варварских типов, особенно в том случае, когда они располагаются с правой стороны, должны рассматриваться как негреческие погребения (Бутягин, 2018. С. 112–113).

В заключение, пользуясь юбилейным характером издания, хотелось бы сказать несколько слов о Юрии Алексеевиче Виноградове, который очень много значит для меня. Думаю, что никто не сомневается в прекрасном полевом чутье и практическом опыте юбиляра, его выдающихся способностях

к анализу археологических материалов и крупных исторических процессов. Доказательством тому являются многочисленные статьи и книги, которые уже давно стали настольными для любого специалиста, занимающегося археологией и историей античного Северного Причерноморья. Мне хотелось бы здесь сказать о своих личных впечатлениях от многолетнего совместного общения и работы с Юрием Алексеевичем.

Наше знакомство состоялось благодаря моей матери Елизавете Сергиенко и моему горячему желанию участвовать в раскопках какого-нибудь боспорского города. Через знакомых ей удалось связаться с Юрием Алексеевичем и договориться о том, что я, будучи школьником (только закончил 9-й класс), смогу принять участие в работе Мирмекийской экспедиции. С самого начала нашего знакомства Юрий Алексеевич произвел на меня огромное впечатление своим профессионализмом, внимательностью, уверенностью в действиях и самоотверженностью в работе. Неудивительно, что он пользовался и пользуется до сих пор искренней любовью и уважением всех людей, которым пришлось работать в экспедиции под его началом или рядом с ним.

Поступив в 1988 г. на кафедру археологии ЛГУ, я ни секунды не сомневался в выборе научного руководителя. До сих пор я считаю, что это было огромным везением, удачно случившимся в самом начале моих научных занятий. Юрий Алексеевич отличался крайней внимательностью к студенческим работам, к малейшим недостаткам которых он относился без всяких скидок на молодость и неопытность. При этом он всегда был открыт для любого научного обсуждения и со всей серьезностью относился к любым нашим соображениям, даже если они не совпадали с его мнением. Это была лучшая научная школа, которую можно себе представить. Таким же прекрасным обучением была и совместная работа в экспедициях. Мне посчастливилось работать под руководством Ю. А. Виноградова в Мирмекии и на городище Станислав. Даже закончив университет и поступив работать в Гос. Эрмитаж, я, пока это было

возможно, пытался найти время, чтобы поработать в экспедиции Юрия Алексеевича.

Впоследствии, с началом работ в Мирмекийской экспедиции Гос. Эрмитажа, наше сотрудничество стало весьма тесным. Проявилось оно и в совместных публикациях, при работе над которыми Ю. А. Виноградов проявлял удивительный такт и всегда брал на себя львиную долю работы, которую, как всегда, выполнял блестяще. Надеюсь, что наши совместные исследования продолжатся.

Несмотря на прошедшие десятилетия Юрий Алексеевич Виноградов остался моим

единственным научным руководителем, авторитету которому я чрезвычайно доверяю и самым серьезным образом воспринимаю его советы и замечания. Мое отношение к Юрию Алексеевичу не ограничивается рамками научной работы. Зная его две трети своей жизни, я давно уже воспринимаю его как очень важную часть собственной жизни, человека близкого, жизнь которого чрезвычайно важна для меня. Хочется поздравить Юрия Алексеевича с юбилеем и верить, что нашему общению и сотрудничеству суждены еще долгие годы.

Бутягин, 1996 — Бутягин А. М. Хронология Семибратних курганов и история Синдики // Курганы: историко-культурные исследования и реконструкции: ТД тематической НК / Отв. ред. Д. Г. Савинов. СПб.: Изд-во СПбГУ, 1996. С. 44–45.

Бутягин, 2018 — Бутягин А. М. Кризис V в. до н. э. и феномен воинских погребений Боспора // Боспорский феномен: Общее и особенное в историко-культурном пространстве античного мира: материалы МНК. Ч. 1 / Отв. ред.-сост. В. Ю. Зуев, В. А. Хршановский. СПб.: ИПЦ СПбГУПТД, 2018. С. 108–114.

Бутягин и др., 2017 — Бутягин А. М., Еремеева А. А., Колосов В. П. Работы Мирмекийской экспедиции в 2015 году // АСГЭ. 2017. Вып. 41. С. 217–228.

Виноградов, 1997 — Виноградов Ю. А. Новые находки оружия на городище Мирмекий // Памятники старины. Концепции. Открытия. Версии. Т. I / Сост. С. В. Белецкий. СПб.; Псков: Администрация Псковской обл., Комитет по культуре и туризму, 1997. С. 141–146.

Виноградов, 2004 — Виноградов Ю. А. «Там закололся Митридат...». Военная история Боспора Киммерийского в доримскую эпоху. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2004. 193 с.

Виноградов, 2006 — Виноградов Ю. А. Счастливый город в войне. Военная история Ольвии Понтийской (VI в. до н. э. — IV в. н. э.). СПб.: Петербургское Востоковедение, 2006. 251 с.

Виноградов, Горнчаровский, 2009 — Виноградов Ю. А., Горнчаровский В. А. Военная

история и военное дело Боспора Киммерийского (VI в. до н. э. — середина III в. н. э.). СПб.: Факультет филологии и искусств СПбГУ; Нестор-История, 2009. 350 с.

Гайдукевич, 1987 — Гайдукевич В. Ф. Античные города Боспора. Мирмекий. Л.: Наука, 1987. 178 с.

Грицик, 2004 — Грицик Е. В. Находки предметов вооружения на поселении Вышестеблиевская-11 // Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Этнические процессы / Ред. В. Н. Зинько. Керчь: БФ «Дементра», 2004. С. 104–108.

Завойкин, Сударев, 2006 — Завойкин А. А., Сударев Н. И. Погребения с оружием VI–V вв. до н. э. как источник по политической и военной истории Боспора. Ч. 1 // ДБ. 2006. Т. 9. С. 101–143.

Литвинский, 2001 — Литвинский Б. А. Храм Окса в Бактрии. Т. 2. Бактрийское вооружение в древнебактрийском и греческом контексте. М.: Восточная литература, 2001. 512 с.

Огненова-Маринова, 1984 — Огненова-Маринова Л. Дребни находки, теракоти, скульптура // Севтополис. Т. I. Бит и култура. София: Издательство на Българската академия на науките, 1984. С. 159–228.

Сокольский, 1954 — Сокольский Н. И. Боспорские мечи // МИА. 1954. № 33. С. 123–196.

Черненко, 1977 — Черненко Е. В. Ножны греческого меча из Ольвии // Скифы и сарматы / Отв. ред. А. И. Тереножкин. Киев: Наукова думка, 1977. С. 120–127.

- Baitinger*, 2001 — *Baitinger H.* Die Angriffswaffen aus Olympia. Berlin; New York: Walter de Gruyter ed., 2001. 258 p. (Olympische Forschungen. XXIX).
- Butyagin*, 2019 — *Butyagin A.* Investigations of the Myrmekion expedition in 2014–2018 // *Hyperboreus*. 2019. Vol. 25, fasc. 1. P. 161–169.
- Cianfarani*, 1972 — *Cianfarani V.* The necropolis of Campovalano — Mysteries of Middle Adriatic Culture // *Expedition*. 1972. Vol. 14, Issue 4. P. 27–32.
- Coşkun*, 2017 — *Coşkun G. A.* One-Edged curved Sword from Seyitömer Höyük // *Adalya*. 2017. 20. P. 83–102.
- Daux*, 1966 — *Daux G.* Chronique des fouilles et découvertes en Grèce en 1965 // *BCH*. 1966. Vol. 90, Livr. 2. P. 715–1019.
- Kottaridi*, 2013 — *Kottaridi A.* Aigai. The royal metropolis of the Macedonians. Athens: John S. Latsis Public Benefit Foundation, 2013. 370 p.
- Liston, Rotroff, Snyder*, 2018 — *Liston M. A., Rotroff S. I., Snyder L. M.* The Agora bone well. London: American school of classical Studies of Athens, 2018. 200 p.
- Vinogradov, Butyagin, Vakhtina*, 2003 — *Vinogradov Yu. A., Butyagin A. M., Vakhtina M. Yu.* Myrmekion-Porthmeus. Two “Small” Towns of Ancient Bosphorus // *Ancient Greek colonies in the Black Sea*. Vol. II / Eds. D. V. Grammenos, E. K. Petropoulos. Thessaloniki: Archaeological Institute of Northern Greece, 2003. P. 803–831.

Two finds of archaic bone plates for scabbard from the North Black Sea Region

A. M. Butyagin

Among many scientific interests of Yu. A. Vinogradov, studies of art of war of the ancient North Black Sea Coastal Region have a special place. In particular he noted the spread of the sword of the mahira (kopis) type in the North Black Sea Region.

Two symmetrical bone plates labelled with the cut oblique crosses were found in Myrmekion in 2015. There was a semicircular ledge on the upper part of the plate's base. It is offset from the middle of the long side. Such ledges are common for the plates decorating the scabbard mouths of the Greek swords. These ledges are known on the scabbard mouths of the swords from Athens and Vergina. They are also found at the red-figure vase painting. The offset of the ledge indicates that the sword handle is offset as well. This is especially typical for the single-edged sword — the makhaira. Fragments of the iron blades of such swords were made in Myrmekion and in Vyshestebliyevskaya-11. The way of the processing of the bone plates from Myrmekion evidences that they were made at the Bosphorus. The plates were found in the layers of a street of the first third of the 5th century BC. They were probably lost during the destruction of Myrmekion during the nomad attack.

Another plate which also was the facing of the makhaira scabbard was found in the same year at the Berezan island during the excavations. It differs from the Myrmekion finding. Its processing quality is higher and it has the square ledge from the side of the blade. This ledge was designed to be a steady support of the single-edged sword. This scabbard was probably made in the metropolis and transported to the North Black Sea Coastal Region. The layer where the fragment was found is dated to the period from 540 BC to the last quarter of the 6th century BC.

These rare finds give additional information about the construction of the makhaira scabbard in the Late Archaic period. They also point to the fact that this weapon type was widespread in the North Black Sea Region in the Late Archaic period. This observation is important for the interpretation of male burials with weapons at the Bosphorus region in the second half of the 6th century BC — the 5th century BC. Only barbarian types of swords were found in these burials. Many of them lay on the right side of the body and they often lay across the legs like in barbarian burial sites. Therefore it is suggested that the Greek settlers adopted the barbarian system of the offensive weapons. Meanwhile fragments of weapons of the Greek types prevail in the Greek settlements. The considered plates are of the Greek type. We think that people did not carry the makhaira — the single-edged sword — on the right side. Based on the displayed finds we can say that many Greek settlers continued to use the Greek types of offensive weapons. In this case the burials with weapons should be regarded as predominantly barbaric.